

III.

Почтенные читатели, вы всё видѣли сто разъ *Фенелю*, вы всё съ громомъ вызывали Иовинку и Голланда, и поэтому я перескочу чрезъ остальные три акта и подниму свой занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался пѣской, быть разстѣянъ и заблѣлъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотреть.

Шумною и допотопною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подлѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ и заслоняемые медвѣжьими шубами мужей и папеевъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холода и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали, одни саблями и шпорами, другіе—калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы; смѣялись, говорили громко и наводили золотые лорнеты на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ; и однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенная красота обыкновенныхъ, обыкновенныя, увы! гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры; у первыхъ почтительные и важные, у вторыхъ услужливые и порой незловкіе. Въ срединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, незнакомыхъ ни съ тѣми, ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы и простой народъ проходили другими дверями. Это была миниатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и нагнувъ на глаза шляпу, старался продрасть къ дверямъ. Онъ поравнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серіозны, monsieur George? вы недовольны спектаклемъ.

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.

— Неправда ли, что Новицкая очень мила?

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ?

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете,—сказала она съ досадою и стараясь иронически улыбнуться.

— Я не знаю никого, кто бы пуждался въ моемъ ободреніи, отвѣчалъ Печоринъ не-

брежно.—И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось, что тамъ за колонново мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ и долгоязыый лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскаго.

Съ отчаянными усиліями расталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ, человекъ за четыре, мелькнулъ розовый салонъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салонъ въ блестящій куше, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверны хлопнули.—На Морскую, пошелъ!—Интересную карету замѣтила другая, можетъ-быть не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ, какъ вкопанный. Мучительная мысль смутила его мозгъ. Эта ложа, на которую онъ далъ себѣ слово не смотреть!.. Княгиня сидѣла въ ней. Ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ. Ея глаза можетъ-быть часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнитическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О! бышенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ. Раздосадованный, онъ пошелъ по тротуару, отыскавъ свои сани, разбудилъ толстаго кучера, который лежалъ, свернувшись, покрытый медвѣжьею поlostью, и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за нею.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацию насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печоринъ,—говорилъ онъ,—нѣтъ того, чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ [Катенька его жена, пятидесяти пяти лѣтъ]. Нѣтъ, и смотреть не хочеть. Какъ бывало въ наше время: влюбится молодой человекъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ, а нето, чтобъ все по угламъ съ дочкой перешоптываться, да глазки дѣлать... Чтѣ это нынче—срамъ смотреть, и дѣвушки не тѣ стали.. Бывало, слово лишнее услышатъ, покраснѣютъ, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣга. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось.

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ, и она не могла произнести ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.